

Сергей Волков

Твой
ДЕМОН ЗЛА

О Ш И Б К А

Сергей Юрьевич Волков
Твой демон зла. Ошибка
Серия «Сергей Воронцов», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163631
Твой демон зла. Ошибка: Олма-Пресс; Москва; 2005
ISBN 5-224-02350-5, 5-85197-306-4

Аннотация

Сергей Воронцов, теперь скромный сотрудник фирмы «Залп», неожиданно получил предложение поучиться в престижной школе телохранителей. Во время обучения с Сергеем происходило нечто странное – в его номер приходили необычные посетители и требовали отдать предмет, принадлежащий предыдущему постояльцу, а постоялец-то выбросился из окна... Потом в холле гостиницы Сергея обездвигили уколом и просканировали паспорт...

Самое неприятное случилось позже, уже после получения диплома телохранителя. Клиент, сопровождаемый Сергеем, встретил человека, который давно умер...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Волков

Твой демон зла. Ошибка

*Нине Николаевне и Марии Егоровне
с благодарностью за веру и верность...*

Один в поле не воин...

Пролог

Открываю дверь, вхожу и тут же – быстрый прыжок за колонну. Пантера, итиё мать! Уф, кажется, не засекли...

Осторожно выглядываю. Тихо. В десяти шагах впереди – широкая лестница, наверху таким ванькой-встанькой маячит часовой с автоматом наизготовку. Сзади него неширокая площадка, и дверь. Мне – туда.

Припав на одно колено, вскидываю винтовку, тщательно прицеливаюсь (торопливость нужна известно когда – при питье халявной водки и лобызании чужих жен), – выстрел. Часовой, прощально махнув мне ручкой, падает. Путь свободен. Вперед.

Ступеньки, ступеньки... На ходу подхватываю валяющуюся рядом с трупом обойму. Восьма кстати – патронов у меня не густо. Вот и дверь. Зараза, заперто...

Оборачиваюсь, оглядываю зал с колоннами. Ага, вот и ключ-флэшка, лежит в нише с краю. Удачно, тьфу-тьфу-тьфу, пока все идет на редкость удачно.

«Стой.», – шепнул мне внутренний голос, но было уже слишком поздно – меня подстерегала типичная «египетская» ловушка для лохов. Каменные плиты пола неожиданно разошлись, и я полетел вниз...

Низкая комната с четырьмя дверьми, по двери на каждую стену. Куда? Ладно, попробуем все по очереди.

Подхожу к первой, узкой, покрытой какой-то зеленоватой слизью, открываю, держа винтовку наготове, и тут же на меня прыгает мутант в зеленом камуфляже. Голова еще не успела сообразить, что к чему, а руки уже привычно направили ствол в грудь нападающему. Выстрел, и мой незадачливый противник отлетает в сторону, дергая руками, словно кукла на веревочках. Кровища-а-а... Блин, весь я в ней, как хирург-любитель.

Двигаюсь дальше. Коридор, мрачные каменные стены, поворот, другой, низкая арка, и сразу же, отвесно – пустота. Далеко внизу, во внутреннем дворике, видны несколько солдат. Судя по новенькой форме – новобранцы, сгрудились возле офицера, как бараны. Рядом лежит оружие, стоит открытый патронный ящик. Прямо напротив, на узком мостике, перекинутом над головами тех, внизу, спиной ко мне застыл часовой. Пока он меня не заметил, и ладно. Что же делать? Вернуться в комнату с четырьмя дверьми, или попробовать пройти здесь? Но как я сумею укокошить столько народу? А если и сумею, то как потом спущусь вниз, за так мне необходимыми оружием и патронами? А время-то идет... тик-так, тик-так... Ладно, нечего думать, трясти надо.

Ловлю спину часового в прорезь прицела, стреляю, и сразу же переносу огонь на группу солдат внизу, боковым зрением отметив упавшее с мостика вниз тело.

Палец привычно нажимает на спусковой крючок, мелодично звенят раскатывающиеся по полу гильзы. Гадство, патроны кончаются. Солдаты внизу, похватав оружие, пытаются отстреливаться, несколько пуль выбивают каменную крошку из стены рядом со мной.

Уф... Я быстрее. И солдатики, и «херр охфисиир» полегли все, кроме одного, и этот один, спрятавшись за опору мостика, неумело, но весьма активно поливает из автомата выход из коридора, не давая мне поднять головы. И, как на зло, у меня остался только один патрон. Непруха, туды ее в капусту вперед ногами.

Стрельба внизу неожиданно затихла. Ага, мальчонка меняет магазин. Что ж, это мой единственный шанс.

Узкая опора мостика – не важное укрытие, но мне впервые за сегодняшний день повезло – солдатик чуть согнулся, вставляя магазин в прижатый к груди автомат, и его голова в камуфляжном кепи высунулась из-за металлической трубы. Я вскинул винтовку, выстрелил, и на каменных плитах дворика распласталось еще одно безжизненное тело. Кончено...

Теперь оставалось найти способ спуститься. Стены в коридоре абсолютно гладкие, никаких намеков на скрытую дверь. Но как-то же отсюда спускаются, иначе зачем вообще нужен этот коридор.?

Вот. Нашел. Вдоль стены над двориком тянется, постепенно понижаясь, узкий, в две ладони шириной, пандус, ведущий вниз. Ну, теперь главное – не упасть.

Отбросив бесполезную винтовку, начинаю спускаться. Шаг, другой, третий... Из казавшейся монолитом стены вдруг начинают выдвигаться с глухим скрежетом большие каменные блоки, норовя скинуть меня вниз. Видимо, я не отключил эту систему контроля, и вновь попался в ловушку. Приходится уворачиваться, а это очень сложно на узком парапете, когда за спиной бездна.

Слава Богу, спуск наконец позади. Теперь – бегом. Подхватываю еще теплый автомат, закидываю за спину, в руки – пулемет, набиваю ранец запасными магазинами, пристраиваю под мышкой трубу ракетомета. Ну, теперь мне сам черт не брат! Теперь посмотрим, кто – кого...

В дальнем от меня конце дворика – дверь. Рывком распахиваю ее, пулеметной очередью срезаю двух солдат, бегущих по коридору на встречу, и устремляюсь вперед, к лифтовой комнате. Кабинка лифта снабжена одной единственной кнопкой, значит, поднимает она только на определенный этаж. Только бы там не было засады.

Подъем закончился очень быстро. Двери лифта распахиваются, и тут же по мне открывают огонь два автоматических пулемета, прикрепленных к потолку и снабженных видеокамерами.

В бронежилет ощутимо ударяет несколько пуль, я падаю, откатываюсь в сторону, одновременно вскидываю ракетомет. С протяжным завыванием первая ракета устремляется к цели, и сразу же за ней – вторая. Грохот слившихся взрывов перекрывает все остальные звуки, меня осыпает дождь осколков, но дело сделано – баста, карапузики, кончились танцы...

Бегу дальше. Дверь, за нею никого, еще дверь, лестница, ступеньки, еще дверь. Так, тут я уже был, эта та самая комната с четырьмя выходами, в которую я провалился, пытаюсь добраться до ключа.

Ну что же. По крайней мере я теперь знаю, куда ведут две из четырех дверей. Попробуем толкнуться вот в эту... Заперто. Значит, остается последняя.

Открываю дверь, и сразу же получаю порцию свинца в бронежилет. И тут засада... Тьфу ты, да что ж за день такой, а?

Стреляют несколько человек, укрывающихся за перевернутой мебелью. Это что-то вроде караулки, вдоль стен видны оружейные ящики, в углу, под потолком, поворачивается на кронштейне видеокамера.

Первую пулю – туда, разбить «недреманное око». Есть. Ну, а теперь займемся солдатами.

Два выстрела из ракетомета разметали самодельную баррикаду, огонь прекратился, а последнего оставшегося в живых пришлось свалить в рукопашной, всадив ему под ребро нож. И поделом – не прыгай на пробегающих мимо.

Из караулки вверх ведет винтовая лестница, заканчивающаяся небольшой площадкой с дверь, запирающейся изнутри. Очень хорошо. Так, что же у нас за дверью?

За дверью был тот самый зал с колоннами, и плоская пластина флэшки по-прежнему покоится в нише, буквально в двух шагах от меня. Ну, я не ёрш, дважды на одну удочку не клюю.

Аккуратно, по стеночки, подбираюсь к нише. Ура, вот он, ключик. Теперь к воротам.

Ворота, повинувшись сигналу замка, бесшумно отъехали в сторону. Так я и знал. В рот пароход, в попу огнемёт. Этого я и боялся... В тридцати шагах впереди глыбился, матово отсвечивая полированным металлом, боевой киборг-охранник, квадратное чудовище высотой в два человеческих роста, вооруженный скорострельными пушками, пулеметами и реактивными радиоуправляемыми снарядами. Уничтожить его нельзя, можно только обесточить, а для этого нужен генератор электромагнитного поля, которого нет, нет, нет...

С жужжанием повернулась боевая платформа робота, объективы видео-глаз поймали меня в поле зрения, и... И все, как говорится, «гейм овер»...

Глава первая

Сняв со взмокшей головы блестящий шлем «виртуалки», я отключил компьютер и спрыгнул с платформы-тренажера.

– Неплохо. Стрелял, как всегда, хорошо, а вот реакция слабовата. Но в целом – неплохо.

Я почувствовал, как краснею. А от двери ко мне шел президент «Залпа» Руслан Кимович Хосы, невысокий, плотно сбитый, как всегда, одетый в камуфляжку, и как всегда, на его смуглом, монгольском лице играла хитрованская восточная улыбка.

– А я-то думаю, чем занимаются мои сотрудники в рабочее время? Оказывается, блуждают по виртуальным лабиринтам, – голос у Хосы был мягким, с едва заметным акцентом, однако каждый «залповец» хорошо знал, что в любую минуту эта кажущаяся мягкость могла обернуться стальной непреклонностью бывшего боевого офицера-десантника.

– Да я, Руслан Кимович, отработал уже. Так, после дежурства развлекаюсь...

– Дома, что ли, не ждут? Ладно, ладно, не тушуйся, я сам грешен, люблю побегать в этой каске, – Хосы кивнул на черный шлем, висящий на кронштейне, и продолжил: – Ты вот что... Как здоровье?

– Спасибо, не жалуюсь.

– Дома?

– Все нормально.

– Норма-ально... А должно быть отлично! – мой начальник улыбнулся еще шире, и я забеспокоился всерьез. – Хотя норма в нашем случае лучше, чем отклонение от нее. Ты сильно изменился, Сергей, за те полгода, что работаешь у нас. Да и зарекомендовал себя отлично. Правда, я слышал, что у тебя в прошлом были какие-то проблемы с зеленым змием... Ну да пусть все твое будет в ладах с твоей совестью, главное, что сейчас ты в форме.

Хосы прошелся по ковру компьютерного класса, заложив руки за спину, покачался на носках у окна, затем повернулся к мне, переминающемуся с ноги на ногу.

– Слушай, Сергей. Хочу с тобой посоветоваться. Есть мнение – отправить тебя на учебу, в школу телохранителей. Ты знаешь, это – престижная работа, очень хорошие деньги, высокое положение в структуре «Залпа». Я говорил с начальником твоего отдела, с твоими коллегами, смотрел твое личное дело... Мне кажется, ты вполне подходишь для этой работы.

Сказать, что я удивился – значит не сказать ничего. Да у меня просто дух захватило при упоминании о школе телохранителей. Телохранители были элитой «Залпа», они не подчинялись никому, кроме президента фирмы, получали просто бешеные (с моей точки зрения) деньги, и при этом часто выполняли пустяковую, (опять же по моему мнению) работу.

В последнее время и у олигархов районного масштаба, и у чиновников, и у воротил шоу-бизнеса стало ультрамодно иметь телохранителя, да еще и не одного. Причем это совершенно не важно, нужен ли клиенту почетный эскорт из квадратноголовых мальчиков или нет. Модно – и все тут.

– Руслан Кимович, в принципе я... – мысли «тревожно путались и рвались», я аж вспотел от волнения. Президент «Залпа» спас меня:

– Обойдемся без принципов. Я уже говорил – есть мнение, что сотрудник «Залпа» Сергей Воронцов достоин быть направленным на учебу в школу телохранителей. Ты – парень рассудительный, поэтому давай так: я даю тебе два дня на размышление, подумай, все взвесь, реши, обсуди с женой, и в среду, часиков в десять утра приходи прямо ко мне. И имей в виду: если ты откажешься, для тебя ничего не изменится, ни отношение руководства, ни теперешняя твоя работа... Ну, будь здоров.

Хосы резко повернулся и вышел из компьютерной. Я несколько секунд обалдело глядел ему вслед, потом подхватил сумку, лежащую на полу рядом с виртуальным тренажером, и тоже двинулся к выходу – все же время поздние, Катя заждалась уже, наверное...

По дороге домой, и в метро, и в троллейбусе я размышлял над предложением шефа. С одной стороны согласиться было очень заманчиво. С другой – большой риск сложить голову под пулями наемного убийцы, подосланного к клиенту, но даже не это меня останавливало... Кто такой телохранитель? По мне, так он более всего походит на «шестерку», которая должна везде ходить за клиентом, и выполнять его указания. В конце концов, решив посоветоваться с Катериной, я переключился на другие мысли. Чего сейчас ломать голову, еще два дня впереди.

Катя встретила меня дежурным упреком и полной сковородкой жареной картошки. Сама она от еды отказалась, сославшись на то, что сыта, и я сразу заподозрил, что тут опять виновата какая-нибудь новомодная диета.

Пока я ел, проголодавшись после суточного дежурства, Катя, подперев щеку рукой, с улыбкой наблюдала за этим процессом, зная, что говорить сейчас что-либо мне бесполезно – все равно не услышу.

Наконец, червячок вошел в состояние заморенности. Катя налила чай, и принялась выкладывать последние новости, «вести с полей», как я их называл.

– Ты знаешь, оказывается, снова входят в моду сапоги-чулки. Ни когда бы не подумала, это так безвкусно. А у нас секретарша самого вчера в них выпялилась, девки все выпали просто.

У Риты опять проблемы, с Генкой. Завел он себе какую-то... Добро бы, просто кобелировал, так он еще и обувать-одевать ее решил. Риткина мать купила для Ритки плащик кожаный, такой, с пояском, ну, размер немного не подошел, ты же знаешь Риткину фигуру. Она без задней мысли отдает плащик Генке, мол, продай на работе. А он и рад. Прошло два дня, говорит – продал. И что? Через неделю Ритке докладывают, что так и так, видели твоего с какой-то фифой, а на фифе был тот самый плащик. Нет, ну гад какой, ты посмотри.

К нам в контору опять проповедник приходил, приглашал, у них там какая-то церковь какого-то Христа, не помню. Я думаю, ерунда все это, все эти секты, церкви, братства. Меня двадцать пять лет учили, что Бога нет. Так неужели я за несколько лет поверю, что он есть? Чушь. Другое дело, Соня и Ленка со своим ходили. Называется «Клуб интеллигентов». «КИ-клуб», сокращенно. Вот это да. Вот там интересно. Ленка рассказывала, так заслушаешься...

Я, если честно, слушал жену краем уха, размышляя над сегодняшним разговором с президентом «Залпа». Внутренне-то я все же склонялся к тому, чтобы принять выгодное и заманчивое предложение, но для порядка и душевного спокойствия надо было посоветоваться с Катей.

Допив остатки чая из чашки, я взял жену за руку:

– Извини, что перебиваю, но мне надо с тобой поговорить. Мне предлагают перейти на другую работу. Само собой, и денег будет побольше, и работа не пыльная...

Катя напряглась, посмотрела мне прямо в глаза:

– И денег будет побольше, и риску?... Сережа, договаривай все до конца.

– В общем, мне предложили стать телохранителем. Поучиться в специальной школе, пройти стажировку. Дали времени на размышление, до среды...

– Сережа, откажись. Ведь убьют за чужие деньги, что я без тебя буду делать?

Я побарабанил пальцами по столу, улыбнулся:

– Да ладно, Кать. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Прорвемся.

Вечером, лежа в кровати, полусонный, я рассеянно поглядывая одним глазом в телевизор, размышляя: «Ну, допустим, я откажусь. Что тогда? Так и буду до самой пенсии сидеть у входа в этот свой банк, проверять пропуска и документы. Со временем отрастет животик, он вон уже начинает выпирать, зараза. Потом лысина проклюнется, зрение испортится, мозги закостенеют – и все, на свалку.»

Перспектива вероятного своего будущего, неожиданно возникшая в голове, напугала меня до крайности. Подбирившийся было сон слетел, как и не было.

«Спокойно, Серега.», – сказал я сам себе: «Предположим теперь другой вариант. Я соглашаюсь. Оклад, премии, зависть коллег и знакомых – это все само собой. Но самое главное не это. Появляется перспектива. Квалифицированный телохранитель цениться сегодня гораздо выше, чем квалифицированный физик-ядерщик, финансист или там журналист. В конце концов, не понравится, уйти всегда успею».

«А если не успеешь?!», – вдруг прозвучал в голове «внутренний голос». У меня аж дыхание перехватило – это «второе я» обычно «включалось» лишь в самые ответственные моменты жизни.

«Перенервничал. Все, хватит думать. Завтра же позвоню шефу, скажу что согласен, и точка», – я потянулся, улегся поудобнее. От ощущения победы над нерешительностью вдруг стало весело и радостно. Я даже прищелкнул пальцами под одеялом, на что Катя, читавшая захлеб какую-то книгу, немедленно отреагировала в своем любимом стиле:

– Сережа, ты чего? Блох, что ли ловишь?

Я фыркнул, поцеловал жену в острое плечо:

– Сама ты, Катька, блохастая. Просто думал...

– А-а. Небось, про новую работу? Не нравится мне все это, Сережа.

Катя закрыла книгу, положила на одеяло, повернула голову, посмотрела строго и укоризненно.

– Тебе-то хорошо, ты у нас героем будешь ходить. Телохранитель. Круче вареных яиц. А вдруг, не дай Бог, тьфу-тьфу-тьфу, что случится. Как же я без тебя? А ребенок?

Когда Катерина готова заплакать – это для меня хуже нет. Беременность вообще сильно изменила ее, Катя стала более женственной, рассудительной, даже похорошела, но временами нервы, реагирующие на процесс перестройки организма, сдают, и тогда Катя готова плакать по пустякам. Я поднял вверх руки, изобразив позу «ханде хох»:

– Все, милая, все. Именно думая о тебе и о ребенке, я и решил согласиться на эту работу.

Катя всхлипнула. Я погладил длинные темные кудри жены, и что бы сменить тему, подхватил соскользнувшую с постели книгу:

– Что читаешь? О, «Унесенные ветром-2». Ха! Что только люди не придумают. «Два капитана-2», «Три тополя на Плющихе-3», «Четвертая высота-4»...

– «Десять негритят-10», – улыбнулась сквозь набегающие слезы Катя: – Но на счет этой книги ты зря. Очень интересно написана.

Я махнул рукой:

– Дурят нашего брата. Вернее, вашу сестру.

– Да ну тебя. – обиделась Катя, потом вдруг всплеснула руками: – Ой, совсем забыла тебе сказать. Представляешь, какое несчастье. Помнишь, мы на Рождество были у Нельки Симич? Помнишь Надьку Рыбцову? Ну, она с мужем была, с Толиком, большой такой, биохимик, вы с ним еще о рыбалке на кухне трепались? Ну помнишь?

Я кивнул, припоминая здорового, что называется, «косая сажень в плечах», мужа Катиной школьной подруги.

– Так ты представляешь – он повесился. Прямо дома у себя. Ему кто-то позвонил, он закрылся в комнате, долго разговаривал, а потом... В общем, Надька через час вызвала милицию, сломали дверь, но уже поздно...

Неприятный холодок проскользнул где-то внутри, на краткий миг возник, нет не сам страх, а только призрачная его тень. Я нахмурился:

– И что? Может, у него депрессия была или пьяный был?

– Да ты что. Он и не пил почти, и веселый был всегда. Да и на работе у него все шло хорошо. А вот так вот раз – и нет человека. Надька себе места не находит, плачет все время. У них же двое детей.

Представить себе, как большой, жизнерадостный человек снимет трубку телефона, выслушивает звонившего, потом хладнокровно запирает дверь, и вешается – для моего воображения это непосильная задача. Чертовщина какая-то.

– Кать, ну, а причину-то выяснили? Может, он записку оставил?

– Да не было никаких причин. И записок он не оставлял. Я же тебе говорю – и на работе у него все было нормально, и с Надькой они жили душа в душу. Наверное, это как-то связано с тем звонком, но милиция ничего выяснить не смогла, кто звонил, чего говорил...

Разговор затих сам собой. Я закрыл глаза, но уснуть сразу не получилось – маленький зародыш страха, поселившийся где-то в душе, словно покалывал меня, словно нашептывал: «Это все не случайно, это все не просто так...» И долго еще лежал я без сна, всматриваясь в светящиеся стрелки часов на стене. Человек, как известно, предполагает, а судьба располагает...

Где-то в центре Москвы...

– Ну, а что думает по этому поводу Андрей Эдуардович?

Маленький, лысый человек, сидевший за одной из сторон аспидно-черного, абсолютно пустого треугольного стола, повернул голову к пожилому, полному мужчине, глыбившемуся в кресле слева. Тот снял с крупного, пористого носа старомодные очки в золотой оправе, достал из кармана пиджака огромных размеров синий носовой платок, задумчиво протер стекла. Потом водрузил очки обратно на нос, метнул острый взгляд из-под седых кустистых бровей на третьего собеседника, высокого, моложавого, с идеальным пробором и маской безучастности на тонком, холеном лице, выдержал паузу, наконец сказал густым басом:

– Я с самого начала предлагал выходить на разработчика, на автора проекта. Что толку разговаривать с этими... с руководством, если в «барбосах» у них сидит бывший «гэбэшник», целый «полкан». Да «глубинники» наверняка контролируют деятельность этой шаражки. А автор гуляет под небом голубым, гениальный и голодный. Кстати, Дмитрий Дмитриевич, кто он?

Моложавый Дмитрий Дмитриевич, занимавший кресло справа, медленно повернул голову и ровным голосом, лишенным, казалось, всяких эмоций, отчеканил:

– Пашутин Игорь Львович, тридцать пять лет, холост, кандидат физических наук, работал в НПО «Айсберг» по проблемам, связанным с биоэлектроникой, в интересующей нас конторе с 1999 года, старший научный сотрудник, оклад – семь с половиной тысяч рублей. Проживает по адресу...

Лысый нетерпеливым жестом остановил говорившего. Андрей Эдуардович восторженно крикнул:

– Здорово у вас поставлена работа, Дмитрий Дмитриевич. Ну, так я и говорю – давайте выходить прямо на этого Пашутина. Предложим ему «полную корзинку», вовлечем в сеть...

Лысый хлопнул по столу маленькой, твердой ладонью:

– Я понял вашу мысль. Хорошо, попробуем пойти этим путем. Но... немного погодя. Андрей Эдуардович удивленно воззрел на него:

– Господин Учитель, а чего «годить»? Возьмем быка...

– Нет. Пока информатор не передал данные о завершении работ над прибором, никаких действий мы предпринимать не будем. А будем мы... Будем мы продолжать наблюдение! Дмитрий Дмитриевич, это возлагается на вашу службу. Вы, Андрей Эдуардович, подготовьте базу для дальнейшей работы по проекту. По моим данным, самое большое, через месяц, экспериментальный образец будет готов. Тогда и выйдем на Пашутина.

Дмитрий Дмитриевич повернул свое лишенное эмоций лицо к Учителю и спросил:

– В случае отказа Пашутина сотрудничать...

– Ликвидация. И тут же, немедленно! – быстро перебил его тот: – Иначе, вдруг появиться кто-то еще, такой же гениальный, и прибору Пашутина будет найдено применение не по профилю. А так... Ликвидируем, изыдем техническую документацию, образец, и закроем тему. Все, господа, совещание окончено.

Я шел по Смоленке в главный офис «Залпа», лавируя в толпе москвичей и, так сказать, гостей столицы, испытывая большое желание вернуться домой. После вчерашнего вечернего разговора с Катей былая решительность куда-то улетучилась, и в глубине души я даже рассчитывал, что в последний момент Руслан Кимович улыбнется и скажет: «Извини, Воронцов, облом. Свободная вакансия всего одна, мы тут посоветовались и решили... В общем, возвращайся спокойно к своим обязанностям и еще раз извини за беспокойство». И жизнь пойдет дальше привычным, размеренным ритмом...

Не пошла...

Едва я переступил порог приемной шефа «Залпа», как серьезная, молчаливая секретарша сразу указала на дверь шефского кабинета.

Хосы, увидев меня, удивленно вскинул брови:

– Ты что, на самолете прилетел?

– Нет, я на метро... – я сел в кресло у стола президента «Залпа», изобразив на лице непонимание.

– Так я минут десять назад велел срочно вызвать тебя. А ты, оказывается, сам пришел. Ну, это и к лучшему.

Хосы выскользнул из-за стола, своей обычной походкой охотящейся рыси прошелся по кабинету:

– Понимаешь, Сергей, обстоятельства изменились. Я обещал тебе два дня на размышление, но вынужден нарушить свое слово. Тебе придется дать ответ прямо сейчас – согласен ли ты на наше предложение или остаешься на своей старой работе.

Я посмотрел в хитрые раскосые глаза Хосы, перевел взгляд на стену за спиной шефа, где под гербом России висела старая казачья шашка в черных облупленных ножнах, и неожиданно для самого себя спросил:

– Руслан Кимович, а это... Реликвия какая-то?

Шеф сел, сцепил пальцы:

– Мой дед в 1905 году, во время русско-японской войны, был подпоручиком, командовал отрядом пластунов. Во время рейда в японский тыл они попали в засаду. Погибли почти все. Деда спас простой уссурийский казак, Никифор Ляпин. На себе нес, всю ночь. Это его

шашка. Они тогда обменялись оружием – дед отдал ему свою, офицерскую, а взамен получил казачью...

В шестнадцатом году, дед тогда уже носил погоны штабс-капитана, его разжаловали в рядовые. Кто-то из паркетных генералов в ставке Николая Второго спланировал наступление. Когда был получен приказ, выяснилось – вместо того, чтобы ударить во фланг немецким частям, весь полк, в котором служил дед, должен был атаковать линии обороны немцев в лоб. За отказ положить людей под пулеметным огнем его и разжаловали... Потом много чего было... А за месяц до взятия красными Крыма он отправил бабушку с трехмесячным сыном на руках подальше от войны – в Турцию, в Стамбул, где у нас жили родственники. С ними поплыла и шашка.

Дед так и не узнал, что баржу с беженцами штормом отнесло к Тамани, и там выбросило на берег. Бабушке и моему отцу невероятно повезло – они выжили, они сумели уйти в степь, их приняли на каком-то хуторе, не выдали... Моего отца при рождении нарекли Русланом, но бабушка скрыла это, и когда в двадцать седьмом мальчик пошел в школу, для всех он был Ким, сокращенно от Коммунистического интернационала молодежи...

А дед... Он погиб в том же двадцатом году. Вместе с отрядом казаков до последнего держал заставу на подступах к Севастополю. Присяга... Для него это был не пустой звук...

И вот давно уже нет никого на свете – ни деда, ни бабушки, ни Никифора Ляпина, а шашка – вот она. Свидетельница...

Я посмотрел на Хосы, кашлянул и вытолкнул из себя:

– Я, собственно, вот и пришел... Чтобы не ждать... В общем, я согласен.

Шеф улыбнулся, потер руки, словно купец после заключения выгодной сделки:

– Я в тебе и не сомневался. Значит, так. Сегодня в десять вечера ты уезжаешь в Ленинград... тьфу ты, в Петербург, будешь учиться в самой престижной в России школе телохранителей. Учеба длится месяц, потом экзамены. Сейчас у секретарши получишь билет, командировочные в кассе, вот тебе рекомендательное письмо к руководителю школы, мы с ним старые знакомые. Потом езжай домой, собирайся, одевайся, готовься, прощайся с женой, и вперед.

Когда поезд придет в Питер, сиди на своем месте, к тебе подойдут, встретят, поселят. Как устроишься, звони, доложишь. Ну, все. Удачи тебе, всех благ. Смотри, не посрами.

Ошалелый, я вышел из кабинета Хосы, рухнул на диван в приемной, закурил, рассеянно принял из рук секретарши билет, и только тут осознал, что на месяц уезжаю из Москвы. Расстаюсь с Катей. Нет, и ведь что обидно – как будто трудно было открыть эту школу телохранителей в Москве, а?!

Глава вторая

Поезд прибыл в «колыбель трех революций», город-герой Ленинград, ныне Санкт-Петербург, темным зимним утром. Проспал я, банально проспал... Пришлось собираться в авральном темпе, ругая себя последними словами. Особенно доставала неумытость. Вот нет что бы встать пораньше, по-человечески умыться, пока еще был открыт туалет... Наконец, приведя себя в порядок, я уселся на полке в ожидании встречающих, обещанных Хосы.

Мимо открытой дверцы купе проходили спешащие на выход пассажиры, вялые и помятые после сна. За грязноватым окном в оранжевом свете фонарей по перрону туда-сюда сновали люди, спешили зычно покрикивающие: «Поберегись!» носильщики со своими каталками, ковыляли продающие всякие пива-воды бабульки, а низкое ночное небо посыпало все это мелким колючим снежком.

Попутчик, пожилой командировочный экономист, всю дорогу угощавший меня домашними плюшками, распрощавшись, ушел. Я сидел один, бездумно вертя в пальцах ключи с брелком.

– Воронцов Сергей Степанович? – раздался вдруг над ухом молодой сильный голос. В дверях купе возвышался могучий детина в камуфляже, с приколотым к необъятной груди пластиковым бэйджем.

– Да, я. – рефлексивно улыбнувшись, я встал, пожал протянутую руку. Парень деловито подхватил с полки сумку:

– Прошу следовать за мной.

Протолкавшись через толчею Московского вокзала, встречающий вывел меня через боковой проход к автостоянке, махнул рукой на красавец-джип:

– Карета подана. Куда поедем?

– То есть?

– Ну, можно в гостиницу, или у вас есть знакомые?

Я помотал головой:

– Знакомых нет. Айда в гостиницу.

«Залп» забронировал для меня номер в «Гавани». В былые времена эта многоэтажная хоромина славилась на весь Питер шикарным баром европейского уровня и дискотеккой с дорогими проститутками. Теперь «Гавань» была обычным заведением, не отличающейся от многих других гостиниц Северной Пальмиры. Одноместный номер, который должен был стать мне родным домом аж на целый месяц, находился на десятом этаже, окна выходили на прямые, как стрелы, улицы-линии Васильевского острова.

Молодец с бэйджиком объяснил, что к двенадцати дня я должен был прибыть в школу, расположенную, кстати говоря, совсем недалеко от гостиницы, всего-то в пятнадцати минутах ходьбы. Мы попрощались, и я остался один.

Номер, доставшийся мне, был угловым, с двумя огромными окнами, одной широкой кроватью, ванной-туалетом, телевизором и радиоточкой. В углу, между окнами, стоял небольшой письменный стол с лампой, слева от входа – шкаф для одежды. В общем, не люкс, но вполне сносно, можно даже сказать – шикарно.

Позвонив в Москву Кате, которая как раз собиралась на работу, я сообщил жене, что все в порядке, встретили, поселили, в двенадцать иду в школу.

– Ладно, давай, звони почаще. Ни пуха ни пера, школьник. Смотри, води себя там прилично. – голос Кати был бодрым, и у меня потеплело на душе.

Потом я позвонил на работу, в «Залп», доложил, что прибыл, устроился и все в порядке. Начальник службы телохранителей «Залпа», Семаков, скучным казенным голосом пожелал мне успехов в учебе и велел звонить в случае чего...

Все, обязательства и формальности выполнены, можно и расслабиться.

Я подошел к окну, уселся прямо на стол, придвинул к себе пепельницу и закурил, глядя на раскинувшийся внизу просыпающийся город.

Питер я любил. Еще с бесшабашных студенческих лет, с подобных набегам викингов хмельных наездов сюда на праздники, на концерты рок-групп, или просто так, потусоваться на Невском или в рок-клубе на Рубинштейна... Эх, и веселое было время. Белые ночи, «Алые паруса», портвейн из горлышка в подворотне с неизвестными, но очень приятными ребятами, смешливые питерские десятиклассницы, вместе с получением аттестата зрелости стремившиеся сдать экзамен и на зрелость половую...

От приятных воспоминаний меня отвлек телефонный звонок. Поскольку никому в Москве этот номер я не давал, явно звонили по ошибке. Сняв трубку, я приготовился сказать: «Не туда попали!», но в ответ на мое «Алло» приятный женский голос сказал:

– Ал-ло! Это номер 10–32?

– Да...

– Извините, пожалуйста за беспокойство, меня зовут Ирина. В вашем номере жил мой друг, и я, когда была у него в гостях, забыла одну очень нужную мне вещь. Вы не будете против, если я зайду к вам и заберу ее?

В голове мелькнула мысль: «Интересно, это действительно случайность, или проверка, или эта Ирина просто гостиничная шлюшка, таким вот образом подыскивающая себе клиентов?»

– Эй! – нетерпеливо проворковала трубка: – Вы где там пропали?

– Я здесь, – буркнул я в ответ довольно невежливо: – Видите ли, девушка, перед тем, как меня сюда поселить, номер убрали, поэтому я не думаю, что тут что-нибудь могло остаться...

– Меня зовут не девушка, а Ирина. Я же вам представилась! – обиделись на том конце провода: – И между прочим, невежливо не называть свое имя, если собеседник назвал вам свое.

«Ага. Ты поучи меня, соплюха», – я усмехнулся про себя, а собеседница между тем продолжала:

– Конечно, я знаю, что в номерах делают уборку. Но эта вещица, о которой я вам говорю, она... Ну в общем, я знаю, куда я ее засунула, и я уверена – она там и лежит. Ну, так вы позволите мне зайти?

«Бляха-муха, вот зараза, и не отвертишься», – я уже начал раздражаться. Не люблю напористых женщин, так и хочется послать... Представив себе раскрашенную гостиничную проститутку, которая, как только попадет в номер, сразу начнет клеиться, забыв о всех своих якобы вещичках, пробурчал:

– Ладно. Приходите. Но только без... Словом, я скоро ухожу, поторопитесь!

– Вот и чудненько. Ждите, господин бука, я скоро буду.

На всякий случай я убрал свои вещи в шкаф, сел в кресло, включил телевизор, в уме подыскивая вежливые, но решительные выражения, которыми придется спрашивать незваную гостью.

В дверь постучали. Поудобнее усевшись в кресле и напустил на себя мрачный, сердитый вид, я крикнул:

– Входите.

Дверь распахнулась, цокнули каблуки и в комнату вошла, а вернее, всплыла высокая молодая девушка. Я только глянул на нее, и сразу вспомнил веселый штатовский фильм «Кто подставил кролика Роджера», в котором рисованные, мультипликационные персонажи действовали наравне с живыми актерами. Так вот, жена кролика выглядела примерно так же, как моя посетительница. Длинные ноги, роскошное красное платье с умопомрачительным

разрезом, золотистые волосы, живописно спадающие на покатые открытые плечи, роскошная высокая грудь, огромные, слегка наивные глаза, чувственные, влажные губы...

«Бр-р-р. Вот тебе и гостиничная шлюха. Сколько же она берет с клиентов?», – эта мысль родилась сама собой: «На ней же одного шмотья на стоимость крутой тачки. А драгоценности. Если все это настоящее...»

– Здравствуйте, господин Бука. – улыбнулась девушка, блеснув на секунду ослепительно белыми ровными зубами.

– Здравствуйте... – несколько ошалело проговорил я, поневоле вставая, и тут же одернул себя – тьфу, уже сделал стойку, кобель...

– Может быть, вы все же представитесь? – гостя процокала тонкими высоченными каблуками ко второму свободному креслу. С грацией фламинго она села, закинув ногу на ногу, щелкнула замочком крохотной сумочки, достала длинный мундштук, вставила в него тонкую дамскую сигарету и искательно посмотрела на меня.

«Ну вот, началось!», – зло подумал я, а вслух сказал, стараясь придать голосу презрительный оттенок:

– «... А не угостите даму спичкой, гражданин начальник?» Вы это имеете в виду? Так я вам отвечу так: у меня здесь не курительный салон, я только что с поезда, еще не умылся с дороги, поэтому забирайте вашу вещь и... всего доброго.

Девушка улыбнулась, сунула не прикуренную сигарету в пепельницу, встала:

– Вы, однако, на редкость плохо воспитаны, господин Бука. Ну, раз хозяин настаивает...

Она под моими сердитым взглядом подошла к подоконнику, запустила руку за батарею, нагнувшись при этом так, что я увидел в низком вырезе платья ее упругие, соблазнительные груди, что-то достала и быстро сунула в сумочку.

– Вот и все, мой милый. А ты боялся.

– Я вам не «милый»! – тут уж я, смущенный скрытым стриптизом, показанным явно нарочно, просто взвился: – Все, до свидания!

Девушка хмыкнула, покачивая бедрами, прошла к двери, на пороге обернулась, подмигнула и вышла, хлопнув дверь.

«Тьфу ты, шалава!», – я вытащил из кармашка сумки умывальные принадлежности, запер входную дверь и отправился в ванную...

Школа телохранителей находилась в большом, старинном здании с двумя грустными атлантами на фронтоне, поддерживающими большой балкон с пузатыми балясинами.

На медной доске у входа значилось одно единственное слово: «Щит». И эмблема – стилизованное перекрестие оптического прицела, на фоне открытой ладони.

Предъявив на входе свое направление, я сразу был отправлен к начальнику школы, Сигизмунду Вершанскому.

Вершанский, седой, громадных размеров мужчина с колоритным шрамом на щеке, молча взял рекомендательное письмо, бегло просмотрел его, затем сказал, серьезно и тихо:

– Вас рекомендует Руслан, пишет, что вы весьма и весьма достойный молодой человек... Сегодня в шестнадцать ноль-ноль вы пройдете тестирование на профпригодность. Если результат тестирования окажется отрицательным, вам, к сожалению, придется покинуть нашу школу. Сейчас идите в семнадцатую комнату, на медосмотр. Желаю удачи.

Несколько ошарашенный таким приемом, я вышел в коридор и отправился разыскивать нужную комнату. В коридорах «Щита» было тихо. Ряды одинаковых дубовых дверей с медными номерками, ковровые дорожки поверх паркета, картины и цветы в холлах, и... и видеокamеры, поворачивающиеся на ножках кронштейнов. Чисто, пусто, солидно, холодно...

Семнадцатая комната оказалась этажом выше, и по сути была целым залом, с рядами кресел вдоль стен. На креслах в разнообразных позах сидело с десятков мужчин, на первый взгляд показавшихся мне братьями – все под два метра ростом, огромные плечи, руки-клещи, и минимум интеллекта под низкими лбами.

«Видать, тоже претенденты. Абитура. Куда мне до них», – невесело подумал я, скромно приземлился в крайнее кресло и прислушался к разговору двух парней, сидящих неподалеку.

– Да медосмотр – фигня. Главное – тест! – горячо убеждал густо татуированный качок в майке без рукавов другого, медведеобразного и наголо бритого. Тот мрачно сдвинул брови и пробасил:

– Тебе-то – фигня. А у меня сердце в «качалке» засажено. Не примут, шеф потом шкуру спустит. Скажет, мать его перегреб: «Ты что, в натуре, больной? Ну, вот и давай, канай в больницу». Он у меня крутой больно, падла.

– Да не бойсь, Колек. Примут, куда денутся. Бабки им заплатили? Ну и все, базаров быть не должно.

Неожиданно в дальнем углу зала открылась дверь, и появившийся из-за нее парень в камуфляжке выкрикнул три фамилии. Амбал, жаловавшийся на сердце, обреченно махнул рукой:

– Ну все, я пошел.

– Ни пуха, ни три-пера! – пожелал ему его знакомый.

– Пошел ты на... – буркнул бритый «сердечник» и вместе с еще двумя названными бугаями скрылся за дверью.

Я повернулся к оставшемуся без собеседника парню:

– А что он так волнуется? Там суровый отбор?

– Хуже, чем в космонавты. Семерых уже завернули. А ты что, тоже сюда?

– Ну да. – я пожал плечами, мол, так получилось, направили вот.

Татуированный засмеялся:

– Ты че, мужик. Тут такие орлы не проходят, а ты-то, «пардонте», просто хиляк. А может ты этот...

Он поводит руками перед собой, намекая на приемы у-шу. Я, обиженный на «хиляка», важно кивнул:

– Этот, этот...

– Ну, тогда прощения прошу, – посерьезнел парень: – Тогда у тебя со здоровьем, видать, все в порядке. И ваще, ваших, «кияшников», лучше берут. Говорят, сейчас «шкафы» не в моде.

Подивившись такому прагматичному походу к своей будущей профессии, я скосил глаза на татуировки, покрывавшие плечи и руки парня. Драконы, змеи, обнаженные красотики, пауки и летучие мыши сплетались в головоломные узоры, и разобраться, где начало и конце композиции и что она обозначает, было совершенно невозможно...

Хозяин нательной картинной галереи перехватил мой взгляд, усмехнулся:

– Нравится? Люблю я это дело. Красиво...

– Ага... Аник в тему: «А мы вчера бабушке дрова накололи! Так вы тимуровцы? Не-а, татуировщики!» – выдал я прочитанную накануне хохму.

Татуированный захохотал, но тут его позвал кто-то из претендентов, и я, оставшись в одиночестве, решил выйти покурить. Табличка с дымящейся сигаретой отыскалась в конце коридора, рядом стояла высокая пепельница.

Дело было швах. На самом деле о восточных единоборствах я имел очень смутное представление, да и здоровье мое мало походило на идеальное и абсолютное. «Ка-ак завернут меня отсюда. И все, ту-ту домой». «Чудак!», – вмешался внутренний голос: «Ты же этого

и хотел...» Я без удовольствия добил сигарету, сунул бычок в прорезь пепельницы и уныло побрел обратно в зал.

Хотеть-то я хотел, но уж больно позорно возвращаться ни с чем. Лучше уж было и не пытаться...

Я не дошел до двери буквально пары шагов, как вдруг она с пушечным треском распахнулась, и из зала вылетел тот самый амбал-«сердечник». За ним спешил его приятель:

– Да ладно, Колек, не расстраивайся. Ну подумаешь – не приняли. Тоже фраера, мля...

– Да пошли вы все! – зло рявкнул в ответ Колек, пролетел мимо меня, едва не сбив с ног и вскоре я услышал его слоноподобный топот на лестнице – лифтов в трехэтажном здании «Щита» не было.

– Вот так, братан... – невесело усмехнулся приятель «сердечника»: – А ты говоришь...

Количество людей в зале со временем уменьшилось до четырех. Из шести человек, прошедших медосмотр, только двое были допущены к тестированию. Я дожидался своей очереди, чувствуя, как от волнения начинают потеть руки. Смех смехом, но теперь мне почему-то очень захотелось пройти этот треклятый медосмотр...

Наконец дошла очередь и до меня. С трепетом войдя вслед за камуфлированным глашатаем и двумя последними претендентами в дверь, я оказался в большой белой комнате, по периметру которой стояло с десяток стеллажей, сплошь заставленных всякой медицинской аппаратурой. Блестели никелем столы, пугающе раскорячились по углам какие-то тренажеры. Слышался клекот компьютерных клавиатур, пикали датчики, пахло лекарствами и озоном.

– Воронцов, – позвали меня за одно из столов двое белохалатных мужиков: – Подойдите, пожалуйста, сюда.

И началось.

Сперва меня заставили раздеться. Потом облепили всяким пластырями с проводами, на запястье одной руки одели какой-то небольшой прибор с экраном, другую руку оплели гирляндой присосок. По просьбе врача я присел десять раз, отжался двадцать, стараясь не запутаться и не порвать провода, идущие от меня во все стороны, пробежал километр по самобеглой дорожке, потом долго дышал в какие-то трубки, жал динамометр, с закрытыми глазами делал «ласточку», принимал позу Ромберга, опять отжимался...

То же самое проделывали тем временем и остальные двое претендентов. Наконец, от меня отсоединили провода, отлепили присоски, усадили на холодное сиденье без спинки напротив молодого строгого мужчины в белом, и началась дурацкая, ненавистная еще с армейских времен «игра» в вопросы и ответы.

– Чем болели в детстве?

– Корь, ветрянка, воспаление легких.

– Гепатит?

– Нет.

– Инфекционные? Менингит, энцефалит?

– Нет.

– На учете в психоневрологическом...

– Нет.

– Не торопитесь.

– Нет.

– Что «нет»?.

– Ох, извините... – я деланно потупился. Настроение испортилось и очень хотелось нахамить кому-нибудь, поругаться – да и свалить отсюда к чертовой бабушке.

Врач внимательно посмотрел на меня, что-то пометил у себя на компьютере, потом опять ткнул взглядом, словно указкой:

– Шрамы у вас на груди... Это проникающие ранения?

– Ожоги. – кратко ответил я, твердо решив не распространяться, при каких обстоятельствах приобрел эти «украшения».

– Хорошо. Можете одеваться, потом подойдите, пожалуйста, ко мне.

Я одевался, ловя на себе взгляды медиков, почему-то скучковавшихся возле «его» врача. Тот что-то показывал им, тыча пальцем в монитор компьютера.

Натянув свитер и зашнуровав ботинки, я подхватил куртку, повесил на плечо сумку и отправился к столу, у которого меня допрашивали.

– Поздравляю, Сергей Степанович. Медосмотр выявил у вас очень высокий уровень пригодности для нашей работы. Для новичка, не подготовленного человека – отлично. Если пройдете тестирование, считайте, стали специалистом.

– То есть? – не понял я, ошалело глядя на эскулапов. Врач улыбнулся:

– Я хочу сказать, что всему остальному вас, с вашими-то данными, научат в два счета. Вот допуск к тестированию, успехов вам. До свидания.

Выйдя из комнаты номер семнадцать, я в полном недоумении поглядел на листок допуска – и чего уж такого уникального нашла вся эта компьютерная медицина в моем, прямо скажем, вовсе не выдающемся организме?

Тестирование проходило в три этапа. Десяток прошедших медосмотр претендентов получили каждый по листу-вопроснику, расселись за столы, сотрудник «Щита» включил таймер, и тест начался.

Нужно было в течении часа ответить на сто сорок два вопроса. Вопросы были самые разные. Я довольно бегло решил с десяток логических задач, ответил на психотесты, нарисовал дерево, человека и дом (старая фишка, это мне уже приходилось делать, когда устраивался на работу в «Залп»), и вдруг застрял на простом, казалось бы, тесте. Суть была в следующем: группа людей – пятеро мужчин и два десятка женщин и детей после кораблекрушения попали на необитаемый остров. По условиям теста я – капитан погибшего судна, то бишь лидер и вожак выживших. Условия на острове жуткие – холодно, до ближайшего леса далеко, есть нечего и т. д. И плюс ко всему, один из мужиков, сильный и жесткий, находится в явной оппозиции к капитану, то есть ко мне, постоянно критикует мои решения, спорит, короче, – тянет одеяло на себя. Авторы теста предусмотрели три варианта ответа: а) я постараюсь найти общий язык со смутьяном и ради спасения выживших даже буду готов уступить ему лидерство; б) я пойду на открытый конфликт, твердо уверенный, что только я смогу помочь спасшимся выжить; в) свободный ответ.

Заклинило меня на этом тесте капитально. Сижуч. Аж вспотел весь. Все пытаюсь понять, в чем же тут подвох? Время между тем идет... Наконец, решив оставить задачу на потом, я принялся отвечать на другие вопросы.

Первый этап теста подходил к концу. Худо-бедно, но я дал ответы на все вопросы, кроме того самого, про остров.

– Осталось пять минут. – объявил из-за стола экзаменатор. Я лихорадочно завертел головой, думая по старой студенческой привычке спросить у соседей, но соседи сидели слишком далеко.

«А, ладно. Будь что будет. Сейчас я вам выдам по полной...», – я тряхнул головой и бодренько написал в графе «в) свободный ответ»: «На остатках авторитета заставлю всех быстренько перебраться к лесу. Когда ночью все спасшиеся, уставшие после трудного перехода, уснут крепким сном, осколком раковины перережу оппозиционеру горло и спрячу тело. Жизнь двадцати женщин и детей важнее жизни одного жлоба, который может погубить всех». Только я закончил писать – и время подошло...

«Ну все, звездец!», – подумал я, сдавая листки теста: «С таким ответом не в телохранители – в уголовники и то вряд ли возьмут»...

Результатов тестирования ждали в приемной. Минут через пятнадцать из кабинета начальника вышел сам Вершанский, в гробовой тишине зачитал фамилии прошедших тест. Меня в списке не было...

«Мудила», – поздравил я сам себя, выход из приемной: «Опозорился, козел. Вот эти узколобые быки, которые остались, тест прошли, а ты, придурок с высшем образованием, не смог. Уродец с осколком раковины в руках...»

– Воронцов. Где Воронцов? – послышался у меня за спиной голос Вершанского.

«Что им еще надо?», – зло подумал я, возвращаясь в приемную:

– Ну здесь я...

Вершанский пристально посмотрел мне в глаза, и показал на дверь кабинета:

– Зайдите ко мне.

В кабинете, усевшись на стул, я нагло закурил – все равно тут последний раз, чего терять, и уставился на Вершанского.

Тот спокойно взял со стола лист с моими ответами, заглянул в него, потом сказал:

– Воронцов, вы ответили на вопрос номер пятьдесят три так: «На остатках авторитета заставлю всех быстренько перебраться к лесу. Когда ночью все спасшиеся, уставшие после трудного перехода, уснут крепким сном, осколком раковины перережу оппозиционеру горло и спрячу тело» Ну, и так далее... Так?

– Так, – я кивнул, напрягаясь, а где-то внутри шевельнуло сложенными крыльями прекрасное существо по имени надежда...

– Ваш ответ, Воронцов, мягко говоря, необычен. Если вы объясните мне, почему вы так ответили, и ваше объяснение меня удовлетворит, я приму вас в школу. Ну, так как?

Вот это номер! Я собрался с мыслями, вдохнул в грудь побольше воздуха и выдал в том смысле, что в экстремальной ситуации моральные нормы и принципы отступают перед высшим приоритетом – спасением большинства жизней, а оппозиционер представлял собой явную угрозу. Публичный конфликт мог закончиться не в пользу капитана, а в смоделированной в тесте ситуации права на ошибку он не имел. Ну, и еще довольно пространно прошелся по принципу «меньшего зла» – мол, если для того, чтобы миллионы жили сыто и счастливо, нужно уничтожить сто тысяч, то лучше это сделать, чем не сделать...

Верил ли я сам в то, о чем говорил? Черт его знает... Слава Богу, я не попадал в ситуации, требовавшие от меня принятия подобных решений...

Вершанский покивал, что-то размашисто записал в ежедневник, потом хмыкнул:

– С точки зрения либералов и демократов, а также всевозможных «общечеловеков», вы нашли чудовищный способ выхода из ситуации... Но с точки зрения спецслужб, чья идеология зачастую отличается от десяти заповедей по всем десяти пунктам, ваше решение неожиданно, смело и даже изящно. Идите, Воронцов, готовьтесь к занятиям, вы зачислены...

В гостиницу я возвращался, как на крыльях. Давно забытое чувство радости от удачно сданных экзаменов охватило меня, и казалось, что и весь мир вокруг тоже радуется и веселится.

«А хорошо бы отметить это дело!», – подумал я, и пожалел, что в Питере у меня нет знакомых, к которым можно было бы пойти, похвалиться успехом, выпить, посидеть, поговорить...

День закончился, но мне, приехавшему в город еще в темноте, казалось, что он и не начинался: вышел из дому – темно, вернулся домой – темно...

В гостинице, получив на рэсепшене ключ от номера, я купил в баре пару бутылок пива и отправился к себе – праздновать победу в одиночестве.

На десятом, в лифтовом холле, среди зелени, на мягком кожаном диване рядком сидели трое мужиков, похожих друг на друга, как братья, разве что один был постарше, а у другого топорщилась щеточка седеньких усов. Одеты они были очень просто, если не сказать, бедновато...

«Интересно, что им тут надо?», – проходя мимо, на ходу подумал я, помахивая ключом от номера: «А! Наверное, по делам к кому-нибудь из командировочных». И тут же забыл про странноватых мужичков.

Вот и родная на ближайший месяц дверь, номер 10–32. Я вставил ключ в замок, и вдруг услышал за спиной:

– Э-э-э. Извините. Вы поселились в этом номере сегодня утром?

Пришлось обернуться. Передо мной стояли те самые, бедноватые, все трое.

– Ну... – я кивнул, открывая дверь: – А в чем дело?

– Вы позволите войти? У нас к вам разговор... – чуть потупясь, проговорил один из мужичков.

На душе у меня вдруг стало нехорошо – я и суток не прожил в Питере, а уже столько визитеров. Но, повнимательнее оглядев гостей, я решил, что в случае чего один справлюсь со всеми тремя, доходягами, и распахнул дверь в номер настезь:

– Прошу.

Мужички так же рядком, как школьники, уселись на застеленную кровать. Было в их облике что-то одинаковое, объединяющее. Помятость лиц? Красные от недосыпа глаза? Какая-то общая унылость? Нет, не это. И вдруг я понял. Страх. Они, все трое, чего-то жутко боялись, просто дурели от страха.

– Я вас слушаю. – проговорил я, а у самого прямо кошки заскреблись во всех местах: «Ох, и не нравятся мне незваные гости с такими вот глазами...»

– Э-э-э. Еще раз извините нас, мы вас не знаем, но это, в принципе, к делу не относится. В этом номере жил наш друг, и он оставил тут...

– Ага. – я перебил говорившего, раздраженно кивнул: – Знаю! Одну вещь. Вы чего, мля, охренели тут все совсем?

– Откуда вы знаете? – быстро и неприятно спросил крайний мужик, самый худой, и судя по всему, старший по возрасту.

Я вздохнул:

– Мужики. Давайте так: я на самом деле ничего не знаю, вещь эту вашу забрали еще утром. Оповестите весь остальной Санкт-Петербург, что у меня в номере больше ничего нет...

Сказал – и осекся, увидев широко раскрывшиеся глаза моих визави. Они, и без того напуганные, совсем позеленели, а усатый хватал ртом воздух.

– К-то... К-то забрал? – просипели гости едва не хором.

– Да девушка такая... шикарная. Представилась Ириной, тоже сказала, что тут жил ее друг, достала что-то из-за батареи, и ушла.

Пожилой и усатый метнулись к батарее, и принялись ее ощупывать, а оставшийся на кровати человек только покачал головой:

– Все... Опоздали. Саша. Павлик. Да перестаньте вы. Ясно, что там ничего нет. Они нас опередили.

– Да что, мать вашу, происходит?! – рывкнул я, и тут в дверь постучали. Пожилой подскочил к двери и щелкнул ручкой:

– Не открывайте. Ради всего святого...

Я уставился на него, плохо понимая, свидетелем чего сейчас являюсь. Стук в дверь возобновился, послышался резкий мужской голос:

– Откройте немедленно. Это скорая психиатрическая помощь. В вашем номере находятся трое опасных для окружающих больных, сбежавших сегодня из лечебницы. Если вы сейчас не откроете, мы вызываем милицию и ломаем дверь.

Решительно шагнув к порогу, я внутренне усмехнулся: «Вот все и прояснилось. Психи. А я-то думал...»

Пожилой вдруг схватил меня за руку:

– Молодой человек. Мы – не больные. Это чудовищная ошибка. Они убьют нас. Не открывайте.

– Поздно, Владимир Михайлович. – оборвал его усатый: – Он все равно нам не поверит, а эти... они сломают дверь, и будет еще хуже. Придется сдаваться.

Слегка напуганный соседством с тремя психами, я поддержал усатого, стараясь говорить убедительно:

– Мужики! Все будет хорошо. Вам никто не желает зла. Вас отвезут в больницу, вылечат...

– Да заткнитесь вы... – рявкнул вдруг пожилой, отстранил меня и сам отпер дверь. В номер вбежали несколько дюжих мужчин в белых халатах, со смиренными рубашками в руках.

Пока троицу психов пеленали в смиренные балахоны, рыжеватый, с аккуратной бородкой, врач, объяснял мне:

– У этих троих очень редкий недуг, так называемая общая мания действия. До поступления к нам они даже не были знакомы, но, встретившись в больнице, неожиданно объединились, вообразив себя сотрудниками какой-то тайной организации, которая через мифических резидентов якобы передает им задания. От их рук едва не погиб больничный сторож – они вообразили, что он – агент враждебной разведки. Сегодня ночью они бежали из клиники, и вот, влекомые своей манией, попали сюда. Специалист сразу распознал бы в них больных, ну, а вы-то могли и поверить их бреду. Случай редкий, но не такой уж не реальный...

Я проводил псих-бригаду до лифта, поблагодарил рыжего врача за чудесное избавление, вернулся в номер, закурил, и задумался.

Пусть даже эти трое и были ненормальными, хотя и отрицали это. Я где-то читал, что ни один сумасшедший никогда не признается в собственном безумстве. Но они искали то же, что и утренняя гостья, а уж она-то точно не производила впечатления больной. И самое главное – она ведь **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** забрала что-то, какой-то небольшой предмет, из-за батареи...

Около десяти, выкурив полпачки сигарет, выпив обе бутылки пива, но так и не успокоившись, я спустился в вестибюль гостиницы – купить чего-нибудь почитать. В спешке отъезда из Москвы я совершенно забыл прихватить с собой легкое развлекательное чтиво, которое, как известно, лучшее снотворное.

Огромный вестибюль «Гавани», устланный коврами, заставленный стеклянными будочками сувенирных, газетных, и прочих киосков, украшенный зеленью настоящих пальм в кадках, кишел народом.

Потолкавшись у стойки бара, я купил еще пару пива, пакетик жареных фисташек, в ларьке напротив приобрел «АиФ», книжку Железны «Создания света, создания тьмы», и уже собрался было возвращаться к себе, как вдруг меня окликнули.

– Эй, господин Бука!

И вновь пришлось обернуться – сквозь толпу ко мне решительной походкой, покачивая бедрами, шла утренняя Ирина, в короткой песчовой шубке, с букетом роз в руках, а за ней семенил невысокий, едва не на голову ниже девушки, невыразительный человечек в пальто.

– Что же вы не здороваетесь? – улыбнулась девушка: – Ах да! Я же забыла – вы плохо воспитаны. Но все-таки, все равно – здравствуйте. У нас к вам разговор, давайте присядем.

Непонятно, зачем, но я покрутил головой, и не найдя, что сказать, послушно пошел за красавицей и ее мелкомасштабным спутником к свободному дивану, притаившемуся между пары разлапистых пальм. Уселись.

И в ту же секунду я почувствовал с той стороны, где присел спутник Ирины, резкую, пронзительную боль в бедре. Таковую, какая бывает от укола, сделанного недобросовестной медсестрой...

– Э-э... Вы... что?... Сука... – только и смог выговорить я, чувствуя, как деревенеют губы. Руки и ноги сковала неодолимая, чугунная усталость, голова дернулась, перед глазами поплыли какие-то мглистые пятна. Гомон множества людей, толкущихся в вестибюле, потух, ушел на второй план, и звучал теперь глухо, как сквозь вату. Однако сознания я не потерял и видел все, что со мной происходит, как бы со стороны. С трудом ворочая глазами, я наблюдал за ловкими руками Ирины, проворно обшарившими карманы куртки. Вот появились ключи, вот – бумажник, вот паспорт.

Паспорт, впрочем, сразу переключал к низкорослому. Быстро достав из кармана маленький пенальчик сканер, он пролистал книжечку, проводя сканером по страницам.

Спустя несколько секунд все было кончено, деньги, ключи и документы вернулись в мои карманы, Ирина встала, похлопала мое тело (которое словно бы существовало отдельно от меня) по бесчувственной щеке, откуда-то еле слышно долетели ее слова:

– Ну, вот и все. Прощай, господин Бука. Надеюсь, больше мы не встретимся.

Они ушли, а я остался сидеть на диване, подобный гипсовому болвану. Руки-ноги по-прежнему ничего не чувствовали, но зрение потихоньку начало проясняться.

Мысли в голове ползли медленно-медленно, и моему затуманенному сознанию казались жирными гусеницами, еле двигающимися по зеленому древесному листу.

«Как... ребенка... Вкололи чего-то... Надо в милицию... Зачем им мой паспорт?... Мля, скоты, ничего... не чувствую...»

Прошло минут двадцать. Постепенно вернулся слух, перед глазами развиднелось окончательно, я смог пошевелить пальцами рук, потом – двинуть ногой. И сразу же в голове вспыхнула лютая злоба – меня, Сергея Воронцова, превратили в бесчувственную колоду ради каких-то неизвестных мне делишек какие-то неизвестные мне люди! Поубиваю, когда найду! Вот ей-бо, не посмотрю, что эта Ирина женщина – отлуплю, как сидорову козу на чужом огороде...

Скоро, как известно, только сказка сказывается... Еще через полчаса, с трудом поднявшись, я заковылял к милицейскому посту гостинцы, прижимая к себе пакет с покупками. Это было чертовски трудно и вскоре закончилось довольно печально: я не удержал пакет деревянной рукой, и тот грохнулся о каменный пол. Бутылки с пивом разбились, и я еле-еле спас купленную книгу, выкинув остальное в ближайшую урну.

На меня стали обращать внимание – то ли пьяный, то ли инвалид? Добредя, наконец, до двери с надписью «Милиция», я вошел, точнее, ввалился внутрь.

За столом я увидел молодого лейтенантика, упоенно разгадывающего кроссворд.

– М-моя фамилия... Воронцов. – губы плохо повиновались, и слова вылетали какие-то кривые, пьяненькие: – На меня... напали. Здесь, в вестибюле.

Милиционер поднял белесые, свинячьи глазки, быстро процокал, выдавая «пскобское» происхождение:

– Кто? Когда? Цто всяли? Челесные поврешдения? Ну?

– Ничего не взяли... – устало проговорил я, привалившись к стене – сесть в комнате было не на что.

– Тогда, мошет быть, исбили?

– Нет... Не били.

– Да сто вы мне голову морочите. – вспылil недовольный лейтенант, вгляделся в мое лицо, шумно потянул носом:

– А-а-а. Вы... П-пьяный!?

Голос милиционера сразу приобрел начальственно-превосходный оттенок:

– Документы. Цто делаете в гостиниче?.

Я с трудом извлек из кармана паспорт:

– Я... не пил. Я... трезв. Они вкололи мне какой-то... наркотик, что ли? Потом обыскали, проверили паспорт... И все...

Лейтенант полистал документ, профессионально сверил фотографию с моим отнюдь не светлым ликом, потом вернул паспорт и сказал:

– Состава преступления нет. Если вам плохо, обратитесь к врачу. Сами дойдете, или вызвать медсестру сюда?

Махнув рукой, сгорбившись, я повернулся и побрел назад. В самом деле, что мог сделать этот придурочный «летёха»? Завести уголовное дело о уколе Воронцова Сергея Степановича в вестибюле гостиницы «Гавань» неизвестными людьми и введении вышеозначенному гражданину Воронцову опять же неизвестной жидкости, посредством чего он был обездвижен и подвергнут проверке документов? Бред...

Оборвав сумбурное течение мыслей, я добрел до лифта, поднялся к себе и без сил рухнул на кровать, еще хранившую вмятины от тел троих испуганных психов. Эх, и до чего весело началась командировка...

Лежа в постели, я все никак не мог расслабиться – на душе скреблись кошки. В темное окно бился желтый пульс выключенного светфора.

Нужно было как-то отвлечься от тревожных мыслей, и я принялся вспоминать какие-нибудь веселые эпизоды из своей жизни. Однако ничего такого на ум не приходило, наоборот, вспоминались все больше разнообразные неприятности.

«Да и пошло оно все в задницу!», – психанул я, завернулся в одеяло и уткнулся лицом в подушку.

Глава третья

На следующее утро я, проснувшись, долго пытался восстановить в памяти события вчерашнего вечера. Мозг, одурманенный неизвестным веществом, словно старался сам по себе забыть то, что приключилось со мной в вестибюле гостиницы.

По-умному надо было бы доложить руководству «Щита» обо всем произошедшем, но после долгих размышлений я решил промолчать – возникло реальное опасение, что «щитовцы» могут не так все понять и отчислить только-только принятого в школу неофита.

В школу телохранителей я пришел, как и было назначено – к десяти. Нас, восьмерых прошедших медосмотр и тестирование, собрали в приемной начальника школы, выдали удостоверения слушателей, секретарша раздала всем расписания занятий, и – завертелось колесо учебы.

Теперь каждый мой день был строго расписан, не вздохнуть, не охнуть. Занимались мы по полной, десять часов – пять практики, пять теории. Я вместе со всеми писал конспекты, занимался в спортзале, до одури лупил набитые песком груши, оттачивал спецприемы, учился стрелять в подвальном тире из разных видов оружия, от однозарядной ручки-пистолета до черного вороненого чудовища ДШК. Кое-кому могло бы показаться, что телохранителю ни к чему подобные умения, достаточно просто в совершенстве владеть табельным оружием, но методисты «Щита» считали иначе – их ученики должны были суметь сохранить жизни своих будущих клиентов в любых ситуациях.

Мы постигали минно-саперное дело, учились по запаху отличать пластиковую взрывчатку от оконной замазки, пластилина и еще сотни подобных веществ, водили на полигоне под Копотней разные марки машин, ориентировались на местности без компаса, отражали нападение одного, двоих, десятерых «килеров» или «террористов», кидали ножи, сюррикены, заточки, другие острые предметы, вплоть до столовых вилок.

До того, как попасть в школу, я и знать не знал, что обычная тарелка в умелых руках может стать грозным оружием, что человека можно сковать при помощи обычного стула надежнее, чем наручниками, а эти самые наручники, опять же, если действовать умело, можно легко снять с рук.

Тело мое теперь покрывали бесчисленные синяки, вечерами, возвратившись в свой номер в «Гавани», я едва не плакал от боли в натруженных за день мышцах, а казавшаяся мягкой гостиничная постель вдруг приобрела твердость асфальта, терзая мое тело, тело будущего телохранителя.

Тяжелее всего было по утрам – ужасно не хотелось вставать, натягивать осточертевшую камуфляжку, и тащиться по темным улицам Васильевского острова в «Щит», где ждали суровые инструкторы и нудные лекторы.

Честно признаться, собираясь в Питер, я где-то в глубине души видел свою учебу таким курсом увлекательных лекций, в свободное от которых время я собирался поосновательнее изучить достопримечательности города. Теперь, после недели занятий, у меня в конце дня возникало только одно желание – спать.

В понедельник нас повезли на полигон, где впервые «прогнали» на время через «коридор смерти», бывший заводской цех, переделанный под огромную полосу препятствий, ловушек, лабиринтов и коридоров.

Я уже слышал об этом «коридоре», как об одном из самых трудных испытаний в «Щите».

Ребята из моей группы толпились в небольшом предбаннике, и по команде помощника инструктора по одному уходили «на полосу».

Вскоре настал и мой черед. Я проверил, хорошо ли вынимается пистолет, снял его с предохранителя, и шагнул в дверной проем, обозначающий границу первого этапа – лабиринта.

Веселуха началась с первых же шагов. Из темноты то там, то тут возникали какие-то повороты, проходы, отнорки, заканчивающиеся тупиками, то и дело попадались ступеньки, ведущие в верхний или нижний этажи – лабиринт, как и весь «коридор», был трехъярусным.

Проплутал я довольно долго, но как-то безошибочно вышел к выходу – видимо, интуиция не подвела. Дальше меня ждал «теневого тир» – тут, тоже почти в полной темноте, надо было поражать внезапно появляющиеся мишени, вдобавок тоже стреляющие в тебя шариками с несмываемой краской – чтобы инструктор потом мог определить, кого сколько раз «убили».

Я дошел до середины темного, вытянутого коридора, и тут сзади зашуршало. Началось. Пригнувшись, я упал, в перекате выхватил пистолет и выстрелил по красноватым точкам, обозначающим глаза предполагаемого противника, снова вскочил, бросился вперед, повернул за угол, больно ободрав руку об шершавый бетон. Снова впереди вспыхнули красные огоньки, снова – падение, выстрелы, характерный сигнал «рапортующей» мишени о том, что она поражена, и опять – вперед.

Лабиринт я прошел более-менее, на две секунды быстрее контрольного времени, и «теневого тир» тоже не задержал меня на долго, но потом началась силовая полоса препятствий, и тут уж мне пришлось туго...

Гладкие столбы скользили под ладонями, веревочные лестницы извивались, как змеи, жирная, липкая грязь засасывала подошвы грубых армейских ботинок, и без того тяжеленных, как гири. В довершении всех бед я оступился при «паучей переправе» через канаву с зеленой водой, и ухнул в затхлую жидкость, вонючую и холодную.

Теперь одежда липла к телу и сковывала движения, а у меня впереди был еще один неприятный участок – «ловушка». Там главное – вовремя среагировать, вовремя увернуться, или отпрыгнуть, а сделать это в мокрой одежде теперь будет не легко...

Я вбежал в коридор и остановился. «Время, время!», – стучало в голове. Я чувствовал, что не укладываюсь в норматив, но тут, в коридоре, мне до зарезу нужно было потратить несколько драгоценных секунд на то, чтобы оглядеться. Иначе... Иначе я попадусь в первую же ловушку.

Коридор, длинный, с несколькими загибами, был слабо освещен тусклыми, пыльными лампочками в защитных сетках, расположенными под самым потолком. Стены и потолок, выкрашенные в ходовой «булыжный» цвет, с разводами и подтеками, совершенно не давали возможности определить, откуда вдруг вывалиться или вылетит тяжелый «мешок», готовый придавить неумелого кандидата в телохранители.

Осторожно ступая, я двинулся вперед. Шаг – остановка. Шаг – остановка.

– Время, Воронцов! – прогремел из скрытого динамика голос инструктора, следящего за мной через глазок инфракрасной камеры. Я прикинул хвост к носу – да, времени было в обрез.

«А что, если попробовать так...», – мне вдруг пришла на ум одна идея – еще в школе, в спортзале на уроках физкультуры пацаны из нашего класса, да и я сам тоже, проделывали такую штуку – разбегались, благо, спортзал у нас в школе был – дай Бог, и потом на полной скорости неслись по касательной к стене, обложенной матами, и несколько метров бежали по самой стене – кто дальше. Побеждал обычно то, кто набирал максимальную скорость, и у кого лучше гнулся голеностоп...

А, была – не была! Повернувшись, я выбежал из коридора, пригнулся и изо всех сил бросился вперед, стремительно ускоряя бег. В ушах засвистело, коридор рванулся на встречу,

зазмеились разводы на серой краске, сливаясь в диковинный рисунок, а я уже перешел на «настенный» бег, стараясь всей подошвой опираться о шершавый бетон.

Сзади с характерным лязгом открылся в потолке люк, из него вывалился и ухнул на пол стокилограммовый «мешок» с резиновыми опилками.

«Одну ловушку прошел!», – радостно подумал я, резко тормозя – запас инерции для бега «по стене» кончился. Теперь я стоял у первого из трех поворотов коридора. За поворотом меня наверняка поджидала следующая ловушка.

«Наверняка, на этот раз – в стене», – подумал я, заглянул за угол, и резко прыгнул вперед, потом – еще раз, и еще.

По идее, в ловушку я, конечно, попал – шарообразный «мешок» здорово задел меня, выкатываясь из разверзшейся вдруг стены. Задел – но не накрыл, не прижал, не придавил. И я бросился дальше...

Скажу сразу – «Ловушку» я прошел чудом. Пришлось прыгать, пригибаться, ускользая от тяжеленных «мешков», способных если не убить, то покалечить своим весом неподготовленного человека, и в конце коридора ноги мои подгибались, а сердце стучало, словно бухенвальский набат. В самом конце, когда большой участок пола нырнул вниз, увлекая меня за собой, я допустил ошибку – нельзя было расслабляться, давать волю чувствам. Кто забылся – тот проиграл.

Выбравшись из ямы с песком, куда меня «сбросил» коварный пол, я снова попал в «теневою» тир, еще раз поразил троих «красноглазых» противников, и наконец, вышел на финишную «прямую» – надо было на одних руках, не помогая себе ногами, подняться по специальной лесенке на три этажа вверх, причем на каждом этаже имелась крохотная площадка для отдыха, но отдых этот мог сыграть со слушателем злую шутку.

Вся лестница располагалась внутри очень темной, широкой металлической трубы или, скорее, шахты, и хватаясь за первую перекладину, нижнюю «ступеньку» этой лестницы, я невольно глянул вверх, но в крошечной тьме ничего не увидел.

На силу в руках я не жаловался никогда, – все же семь лет занимался греблей, и поэтому довольно легко преодолел первый этаж, оказавшись на узкой – метр на полметра, железной площадке. И тут началось.

Вся конструкция вдруг затряслась, зашаталась, я заскользил, упал, хватаясь за нижние перекладины следующей лестницы, и в ту же секунду только что пройденный мною участок с грохотом рухнул вниз, и я повис в воздухе...

«Ни хрена себе, отдохнул, называется.», – мысль возникла и тут же канула куда-то. Я заработал руками, машинально считая оставшиеся позади перекладины.

«Девятнадцать, двадцать... Двадцать одна... Двадцать две... Черт, эта лестница длиннее. А если я сорвусь и упаду? Неужели тут ничего не предусмотрено в плане страховки? Ведь там, подо мной сейчас лежат обломки нижней лестницы. Если я грохнусь – верная больничная койка в лучшем случае, и верная смерть – в худшем».

От этих мыслей мне стало не по себе, и я сильнее сжал руки, перехватывая перекладины.

Вот и вторая площадка. Уф, большая часть пути – позади. Можно передохнуть, но на всякий случай я все же уцепился за перекладины следующей лестницы – мало ли что.

Это меня и спасло – из темноты вдруг с шорохом выдвинулся металлический щит, сметающий с площадки второго этажа все и вся, и я вновь повис над темной бездной, так и не успев толком отдышаться.

Третья лестница была еще более длинной, чем вторая. Вокруг все грохотало и гремело, холодные железные перекладины норовили прокрутиться в пазах, сбросить того, кто висел на них. Медленно, но я все же продвигался вперед и вверх, к концу своего пути.

Когда моя рука ухватилась за последнюю перекладину, неожиданно вспыхнул свет, больно ударив по глазам. От неожиданности едва не сорвавшись, я повис на одной руке, с ужасом глянул вниз... И расхохотался.

Прямо подо мною, в тридцати-сорока сантиметрах ниже заляпанных грязью ботинок, лестничный проем закрывала железная пластина – своеобразный подъемный пол, который в темноте все время поднимался следом, страхуя меня от падения. И только тьма, царившая в испытательной трубе, мешала эту страховку разглядеть.

На площадке, над моей головой, появился улыбающийся инструктор:

– Время хорошее, на твердую «четверку». Ну что, там и будем висеть, или...

– Или... – прохрипел я, взобрался наверх, взял протянутое инструктором влажное полотенце, и утирая пот, заковылял в комнату отдыха – через двадцать минут должны были начаться занятия по вождению...

Я каждый вечер звонил домой. У Кати все было в порядке, она скучала и зачеркивала дни, оставшиеся до моего приезда.

Иногда у меня возникало сильное желание послать все к едреней фене и вернуться домой, тем более что один из «одноклассников» так и поступил, не выдержав трудностей учебы.

А трудности были – дай Бог... Чего стоила одна только ежедневная трехкилометровая пробежка по морозу в десятикилограммовом бронежилете. А бесконечные занятия по «рукопашке», когда после задней подсечки «охраняемый объект» не валится с ног, как ему и положено, а падает на тебя, потому что у вас разница в весе в сорок килограмм. Я вообще был самым маленьким в своей группе и в тайне даже комплексовал.

После второй недели обучения тело, наконец, справилось с нагрузками. Мышцы перестали болеть, после разминки с восьмидесятикилограммовой штангой больше противно не дрожали руки, а в глазах не мельтешили красные пятна. Кроме того, я считался лучшим в группе по стрельбе, да и по спецпредметам, типа ориентирования или «шмона», как мы прозвали «обнаружение скрытых спецсредств, угрожающих клиенту», тоже был одним из лучших, и это наполняло сердце законной гордостью.

Приближался выпускной многоступенчатый экзамен. Психолог, работавший с группой, все чаще заводил разговор о скрытых возможностях человека, которые так необходимо уметь вовремя пробуждать, о интуиции, о паранормальных явлениях...

«Телохранитель должен не просто защитить клиента от опасности, он должен уметь почувствовать опасность до того, как жизни или здоровью клиента будет что-то реально угрожать. Там, где можно уклониться, надо уклоняться. Телохранитель должен стараться уклоняться всегда».

В Питере стояли жуткие морозы. Влажный воздух Балтики превращал двадцатиградусную холодину в настоящую пытку, серые зимние дни по прежнему были очень коротки, и не смотря на явные успехи в учебе, которых мне так настойчиво желали, я ощутимо скучал по Кате, по Москве, по друзьям...

Но всему на свете приходит конец. Конечно, месяц учебы не сделал из меня супермена, но процесс преподавания в «Щите» был поставлен так, что двоечников тут просто не было, и если уж ты что-то запомнил, чему-то научился, то – навсегда.

В первый день выпускного экзамена я встал пораньше. Тщательное бритье, душ, завтрак, и вперед, марш-марш. От сотрудников «Щита» я не раз слышал, что из каждой группы примерно половина не сдает выпускного экзамена, и получает вместо диплома «волчий

билет» – справку, подтверждающую, что курс лекций и практических занятий в школе телохранителей «Щит» пройден. Но не более того.

Первым в списке значился экзамен по стрельбе. Тут я был более-менее спокоен. Можно даже сказать – спокоен на все сто. Стрелять надо было из четырех видов оружия – пистолета, карабина, автомата и пулемета. Мишени тоже различались – обычная, поясная, движущаяся, звуковая, летящая. Во время экзамена то и дело происходили «случайности»: гас свет, взрывались петарды, мишени меняли траекторию движения...

Спокойно, как во время занятий, я расстрелял все цели, и только со стрельбой на звук вышла незадача – в момент контрольного сигнала рванул «сюрприз» – светошумовая граната, и пуля ушла в молоко.

Следующий экзамен сдавали на полигоне – вождение. И тут подарков от экзаменаторов хватало – потайные ямы, шипастая лента «скорпиона», вдруг раскатывающаяся перед машиной на скоростном участке дороги, белый, непроглядный дым, неожиданно заволакивающий все вокруг, поломки...

После первого экзаменационного дня я вернулся в гостинцу, уставший, как собака. Прокручивая в голове все пережитое за день, я даже забыл в условное время позвонить Кате, а когда спохватился, стрелки часов показывали половину одиннадцатого.

– Алло, Катя? Привет. Слушай, замотался, забыл, прости пожалуйста... Как ты?

– Все нормально. Сегодня сдавала анализы – врачи говорят, что все хорошо. Как твой экзамен?

– Сдал первый тур, допущен ко второму. Стрельба – 95 баллов, вождение – 81.

– Ну, поздравляю. Ой, Сережа, давай уже приезжай скорее. Я так соскучилась.

– И я, родная. Но экзамены закончатся только на следующей неделе, так что раньше пятницы и не жди.

– О-хо-хо. Еще восемь дней. Я тут с ума сойду от тоски. Сережка, больше никогда не разрешу тебе уезжать так на долго, будешь брать меня с собой.

– Хорошо, котенок, договорились. Что нового на работе?

– Да все нормально, по прежнему. Да, я же уже три дня хожу в «КИ-клуб».

– Куда? – удивленно переспросил я, с трудом припоминая, что Катя что-то такое говорила про эти «КИ-клубы».

– «Клуб интеллигенции». Ну, я тебе еще перед твоим отъездом рассказывала. Ой, там так интересно...

– Да-а? – я постарался вложить в голос максимум сомнения: – И чем вы там, интересно знать, занимаетесь?

– Ой, да ну тебя. Я на третьем месяце, а ты все ревнуешь. Просто общаемся, разговариваем. Вот приедешь, я тебя обязательно свожу. Ну ладно, Сереженька, давай, а то у тебя там денежка набегит большая. Целую, жду, не дождусь.

– До скорого свидания, милая. Тоже целую.

– Ну пока.

– Пока.

Я положил трубку и усмехнулся – «КИ-клуб». Ишь ты, придумают же. Ладно, лишь бы Катке было хорошо...

На следующий день, в воскресенье, был только один, но очень важный экзамен – «шмон». Всю нашу группу повезли в реально существующий, типичный, так сказать, филиал одного из коммерческих банков на Гороховой, закрытый по случаю выходного дня, и дали задание – за полчаса контрольного времени проверить зал заседаний, коридор и приемную на предмет «спецсредств», причем не количество, ни виды этих самых «средств» не назывались.

«Шмон» – это моя стихия. Вот нравится мне искать что-то, спрятанное, и все тут. И самое главное – находить получается, отменно получается, с высоким результатом. Нюх у меня на «закладки», как у таможенного спаниеля на контрабанду. Фрейд и Юнг, наверное, нашли бы какое-нибудь гнусное объяснение для этого, но я к психологам не обращался, и обращаться не собираюсь. Меньше знаешь о себе, любимом, – крепче спишь.

В общем, когда экзамен начался, группа, посоветовавшись, отправила меня в свободный поиск, а остальные начали планомерную проверку ковров, радиаторов отопления, выключателей, горшков с цветами, телефонов, розеток, светильников, компьютеров, мебели, датчиков пожарной безопасности и прочих обычных и не очень мест, в которые «враги» заложили «спецсредства».

Народ расползся по банку, а я все стоял у входных дверей, соображая... Понятно было, что скрытые микрофоны, видеоглазки, звукозаписывающую аппаратуру, капсулы с отравляющими газами в коридоре устанавливать ни кто не будет – по коридору интересующий «террористов» объект проходит быстро, что там больно запишешь? Я прикинул расклад и прикуп, и сразу отправился в зал заседаний.

«Так. Круглый стол, десяток кресел, стол секретаря, компьютер, три телефона, кадки с растениями, сигнализация, деревянные панели на радиаторах, картины на стенах. Ничего сложного. Ну-с, начнем!», – скомандовал я сам себе и пошел по кругу под взглядами застывших у дверей членов приемной комиссии.

Без труда отыскал в цветочном горшке «жучок» звукозаписи, я снял еще пару с обратной стороны стульев, вынул из компьютерной «мышки» капсулу с отравляющим газом, срабатывающую от нажатия, а потом пришлось довольно долго повозиться, вытягивая из полной ножки тяжеленного стола двадцатипятисантиметровую «колбасу» пластиковой взрывчатки, снабженную взрывателем с таймером.

Время шло, голоса ребят из группы слышались уже из приемной, пора было сворачиваться и идти им на помощь – вдруг чего-то пропустили? Но меня не покидало чувство, что зал покидать рано – что-то тут было еще, причем такое, необычное...

«Здесь я смотрел. Здесь тоже. Это что за провод? А, сетевой, от компьютера. Это пожарная сигнализация, эту розетку я тоже уже смотрел... Ага, вот это уже интересно».

Круглое зеркало, висящее слева от двери, старинное, в дорогой бронзовой раме, заинтересовало меня... Да чего там – оно просто притягивало взгляд, словно за зеркальной поверхностью сидел гипнотизер.

Я, находясь в какой-то странной прострации, снял зеркало с могучего крюка, осмотрел внутреннюю сторону, достал тонкий узкий универсальный нож из нарукавного чехла, поддел второе, внутреннее стекло...

– Воронцов, что вы там нашли? – раздался голос одного из инструкторов «Щита».

– Я, честно говоря, и сам не знаю. Как говориться, это мы не проходили... – наверное, мой голос прозвучал растерянно и даже где-то испугано, потому что приемная комиссия в полном составе поспешила в зал заседаний.

Этого мы и в самом деле не проходили. Зеркальная поверхность с обратной стороны оказалась идеально прозрачной, словно обычное стекло, а между нею и задним стеклом, в узком, двухмиллиметровом зазоре располагался круглый, необычайно плоский объектив размером с ладонь, соединенный проводами с элементом питания и черной, рубчатой, тоже очень плоской, коробочкой...

«Щитовцы» сгрудились вокруг необычайного устройства, переговариваясь вполголоса.

– Кто расставлял приманки? – спросил глава экзаменационной комиссии.

– Я, Лев Яковлевич. Но это не мое, – отозвался преподаватель по «шмону», растерянно разводя руками.

– Лев Яковлевич! Мне кажется, курсант Воронцов обнаружил видеокамеру, установленную тут теми, кто в действительности интересовался деятельностью этого банка... – подал голос эксперт по «спецсредствам», приглашенный для участия в работе экзаменационной комиссии из ФСБ.

– Это я понимаю, – несколько раздраженно ответил Лев Яковлевич: – Я не пойму другого – кто изготовил эту штуку? Я всю, можно сказать, жизнь занимаюсь разведкой, контрразведкой, «спецурой» разной, считал себя докой, а тут...

– Да бросьте вы, – махнул рукой «фээсбэшник», осторожно отсоединил проводки от объектива, кивнул на круглую черную, рубчатую блямбу рядом: – В сущности, ничего нового, просто качественно другой технологический уровень исполнения. Вот блок питания, вот – усилитель сигнала. Это, как вы уже поняли, видеоглаз с широким углом съемки. Приемник находится где-то недалеко, например, на чердаке этого здания – я не думаю, чтобы у столь маленького передатчика хватило мощности транслировать сигнал на большие расстояния. Где представитель банка? Вы, да? Вызывайте начальника охраны – у вас большие проблемы.

– Да-а-а... – хмуро протянул Лев Яковлевич, проводил взглядом побледневшего работника банка, бегом умчавшегося звонить начальству, потом повернулся ко мне, остолбенело стоящему поодаль.

– Поздравляю вас, Сергей Степанович. Ваше умение, что называется, выше всяких похвал. Ну все, господа. По техническим причинам экзамен окончен, да, по сути, вы его сдали. Лялюшенко! Вы там, в коридоре, пропустили термодатчик под паркетинкой, а у остальных, в операционном зале, и у вас здесь, Воронцов, все чисто...

Вечером, вернувшись в гостиницу, сидя в кресле перед телевизором, я размышлял над своей находкой во время экзамена. «Настоящий телохранитель должен интуитивно предчувствовать опасность и уметь от нее уклоняться. Высшая смелость телохранителя – увести, спрятать клиента, сохранив ему тем самым жизнь».

Я, конечно, еще не настоящий телохранитель, но отсутствием интуиции никогда не страдал, и сейчас эта самая интуиция подсказывала мне, что моя собственная судьба потихоньку соприкасается с судьбами многих других людей, и соприкосновение это опасно и для них, и для меня самого.

«Не случайно все это...», – угрюмо думал я, вертя в пальцах не зажженную сигарету: «Судьбе-злодейке было угодно, чтобы я поселился в этом номере, где какой-то неведомый мне „всеобщий друг“ оставил что-то за батареей. Потом – явление холеной самочки Ирины, дальше – эти психи, укол в вестибюле, оригинальная проверка документов... И находка видеоглаза во время экзамена. Конечно, эти события вроде бы и не связаны, но на душе не спокойно... Быстрее бы закончить все и вернуться в Москву, что-то этот город начинает на меня давить...»

Спустя некоторое время я поймал себя на том, что хожу по номеру из угла в угол. «Нервы совсем расшатались. А завтра надо быть в форме, завтра самый важный экзамен – „эскорт“. Надо успокоиться и лечь спать. Спать... Как же, уснешь тут... А может, сходить к дежурной по этажу и попытаться выяснить, кто жил до меня в этом номере?»

Наконец прикурив, я вдруг, неожиданно для себя самого решительно затушил сигарету и вышел в коридор. Дежурная по этажу сидела в конце коридора, за углом, я уже был один раз у нее, когда меняли белье в номерах, и мне, неудачливому в таких делах, прогнозируемо досталась рваная наволочка. Пройдя по коридору, я остановился у темной двери с надписью и «Дежурный» и постучал.

– Войдите! – проскрипел из-за двери неприятный женский голос.

Дежурной на вид было лет пятьдесят. Обыкновенная, замученная бытом и проблемами взрослеющих детей баба, с ниткой фальшивого жемчуга на морщинистой шее.

– Что вам? – недовольно спросила она, отрываясь от чтения женского журнала «Лиза».

– Я Воронцов, из номера 10–32. Скажите пожалуйста, я могу узнать, кто жил до меня в этом номере?

Женщина тревожно посмотрела на меня, потом устало откинулась в кресле:

– Я так и знала. Шила в мешке не утаишь. Вам кто сказал? Татьяна?

– Какая Татьяна? – я удивился, и тут же почувствовал мерзкий холодок в груди: «Вот оно... началось...»

– Горничная на этаже. Она растрепала, так?

– Да что растрепала-то? Я ничего не понимаю...

– Да про мужика этого... Мы договорились никому не говорить, чтобы клиентов не отпугивать. Но я вас в другой номер переселить не могу. Нет свободных, хоть режьте. Идите к администратору, может, он что-нибудь подберет.

– Мне не надо в другой номер! – я сказал это раздраженно, громче, чем надо: – Я просто хочу узнать, кто жил до меня в номере 10–32!

– А вы на меня не орите! – с поборота привычно завелась дежурная: – Я с вами вежливо разговариваю, а вы сразу на крик. Взяли моду...

Она подтянула к себе толстый журнал, откинула обшарпанную обложку, поводила по серым страницам толстым пальцем с облезшим маникюром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.